

Манифестации «Я – Шарли» как индикатор фашизации

Manifestation "I am Charlie" as an indicator of fascization

Багдасарян В.Э.

V. Bagdasaryan

В статье в семантике глобальных политических процессов осмысливаются манифестации «Я – Шарли», прошедшие в ряде стран Европы. Определяется идеологическая подоплека данных манифестаций. Делается предположение о провокативном характере конфликта, соотносимого с проектом масштабной цивилизационной конфронтации. Прослеживается эволюция европейской политики в отношении мигрантов. Принятие частью европейского сообщества идентификатора «Я – Шарли» оценивается автором как симптом процесса фашизации Европы.

The article is interpreted in the semantics of global political processes of manifestation "I am Charlie", which took place in several countries in Europe. Ideological background of such demonstrations is determined. There has been made an assumption about the provocative nature of the conflict that can be compared to a large-scale project of civilization confrontation. The evolution of the European policy on migrants is being observed. Those parts of the European community, which accepted the identity "I am Charlie", are estimated by the author as a symptom of the process of Europe fascization.

Ключевые слова: Charlie Hebdo, фашизм, либерализм, свобода, война, религия.

Key words: Charlie Hebdo, fascism, liberalism, freedom, war, religion

По Европе прокатились манифестации под маркером манифестирующих «Я – Шарли». Идеологически сущность этого движения можно определить как «либеральный фашизм». Либеральный – потому, что его базовая

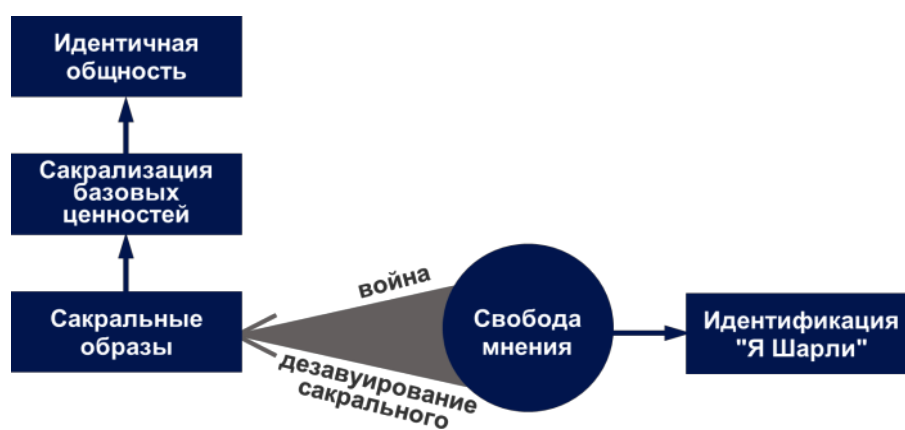
идеологема – «свобода слова». Фашизм – потому, что отрицается право другого на иную ценностную платформу, на иную культурную идентичность.

Карикатуры «Charlie Hebdo» направлены не только против ислама. Они столь же святотатственны и в отношении других религий – христианства, иудаизма. Они – антирелигиозны. При этом уровень антирелигиозности явно перекрывает грань, за которой атеистическая мировоззренческая позиция переходит в оскорбление чувства верующих. В сравнении с карикатурами «Charlie Hebdo» социальная сатира советского журнала «Безбожник» периода воинствующего атеизма кажется невинной [2; 10]. Мухаммед представлен шарлистами как сексуальный извращенец. Святая Троица изображена как трио совокупляющихся существ. Измывается журнал над темой Рождества, над темой Распятия...[19]. И вот Европа, принимая идентификатор «Я – Шарли», с этой либеральной агрессией не просто солидаризируется, но даже ценностно отождествляется. С одной стороны, это показывает степень европейской нравственной деградации. С другой, означает вступление Европы в режим культурной войны.

Именно так разжигается ксенофобия, именно так провоцируются войны. У любой культурной общности есть собственный набор сакральных образов. Эти образы соединены с соответствующими базовыми для данной общности ценностями. Чтобы разрушить общность, следует нанести удар именно по его ценностному фундаменту. Очевидный прием – дезавуирование сакральных образов. В этом смысле карикатурная атака на Мухаммеда – это покушение на всю исламскую умму. Эти карикатуры были не безобидной шуткой художника, а сознательным включением в развертывающуюся информационно-психологическую войну. События, произошедшие после парижских терактов, это с очевидностью подтверждают.

Принятие европейским сообществом идентификатора «Я Шарли» означает ни больше, ни меньше, чем военную (применительно к информационно-психологической войне) мобилизацию. (Рис. 1). Такое

фиксируется впервые. Принятие идентификатора «Я Шарли» означает подчеркнутую солидаризацию Европы с осквернением журналистами системы ценностей иной общности. Каков может быть ответ со стороны этой общности – достаточно очевидно. Характерен в этой ситуации отказ в принятии идентификатора «Я Шарли» со стороны США. Европу, если называть вещи своими именами, подставили.

Рис. 1. Как провоцируются войны?

Понимает ли это европейское большинство – сомнительно. Но сами шарлисты вступают в войну вполне осознанно. Об этом свидетельствует, в частности, «Манифест двенадцати», или «Вместе против нового тоталитаризма». Впервые он был опубликован в 2006 году за подписью ряда западных интеллектуалов, среди которых, в частности, фигурировал и автор «Сатанинских стихов» Салман Рушди [12]. Именно в «Charlie Hebdo». Манифестировалась следующая позиция: «После того, как были преодолены фашизм, нацизм и сталинизм, мир сталкивается с новой тоталитарной глобальной угрозой: исламом. Мы, писатели, журналисты, интеллектуалы, призываем к сопротивлению религиозному тоталитаризму и выступаем за поощрение свободы, равенства возможностей и светских ценностей для всех... Этот бой будет выигран не оружием, но в области

идей. Это не столкновение цивилизаций или антагонизма Восток-Запад, но глобальная борьба демократов и теократов...Мы отвергаем «культурный релятивизм» признания того, что мужчины и женщины мусульманской культуры должны быть лишены права на равенство, свободу и секуляризм во имя уважения к культурам и традициям... Мы выступаем за **универсализацию свободы выражения мнений**, так что критический дух может осуществляться на всех континентах, свободный от всех злоупотреблений и всех догм. Мы обращаемся к демократии и свободному духу всех стран, наш век является веком света, а не мракобесия» [23].

Инцидент с карикатурами «Charlie Hebdo» не единичный. Антиисламская кампания в западных СМИ представляет собой цепь последовательно осуществляемых выступлений, которые в религиозной лексике могли бы быть определены как «кошунство» и «святотатство». Данная последовательность убеждает в проектных основах развертки межцивилизационного конфликта. (Рис. 2). Кошунство порождает кошунство. В ответ на публикации карикатур на Мухаммеда датской газетой «Jyllands-Posten» иранская газета «Hamshahri» организовала международный конкурс карикатур на тему Холокоста [20].

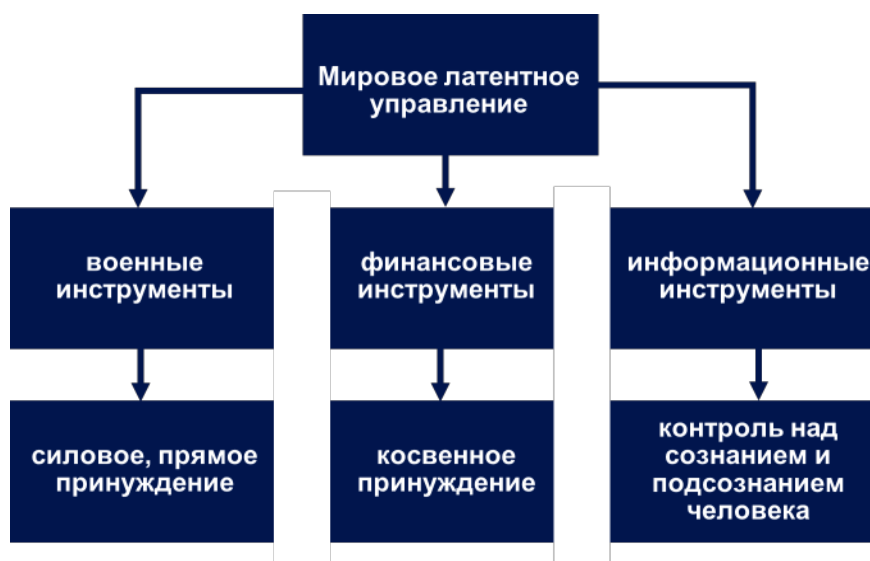

Рис. 2. Информационное наступление на ислам.

Антиисламская, а по сути – антирелигиозная пропаганда в западных СМИ фактически обозначила раскол мира. Уже карикатурный скандал 2005-2006 годов продемонстрировал, что геополитически и цивилизационно мир раскололся на западную общность воинствующей секулярности и остальное человечество, стоящее на позициях традиционных ценностей. В этом смысле постмодернистское богоборческое меньшинство мира навязывает свой ценностный выбор мировому большинству.

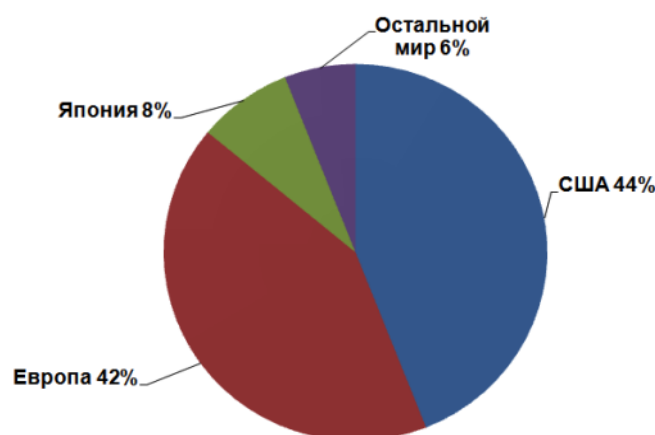
Провокативный характер произошедшего не вызывает сомнений. Принципиально важно ответить – зачем была нужна эта провокация.

То, что средства массовой информации выступают инструментом управления, является на сегодня достаточно тривиальным положением. Вызов настоящего времени состоит в формировании мирового управляемого пространства. Соответственно возрастают и управленческие возможности СМИ – от масштабов государств до масштабов мира. По существу есть на сегодня три основных составляющих мирового управления: военная составляющая (усиливающееся военное доминирование одного геополитического блока), финансовая (имея в виду прежде всего инструменты ФРС) и информационная (она-то и будет в фокусе представленной статьи). Причем из всех составляющих информационная является наиболее «тонким», несилowym, т.к. имеет дело не с прямым принуждением (военной силой) и не с косвенным принуждением (контролем за финансовыми ресурсами), а с сознанием и даже подсознанием человека. (Рис. 3).

Рис. 3. Инструменты глобального управления.

Информационное управление в масштабах мира становится возможным в условиях установившейся геополитической гегемонии контроля за медиа-ресурсами. Из крупнейших медиа-компаний подавляющее большинство имеет американскую прописку. Список рейтинга крупнейших медиа-компаний ограничен едва ли не исключительно общностью западных государств. Это приводит фактически к доминированию одной из цивилизационных общностей в подборке информационных фактов и их интерпретации. (Рис. 4) [22].

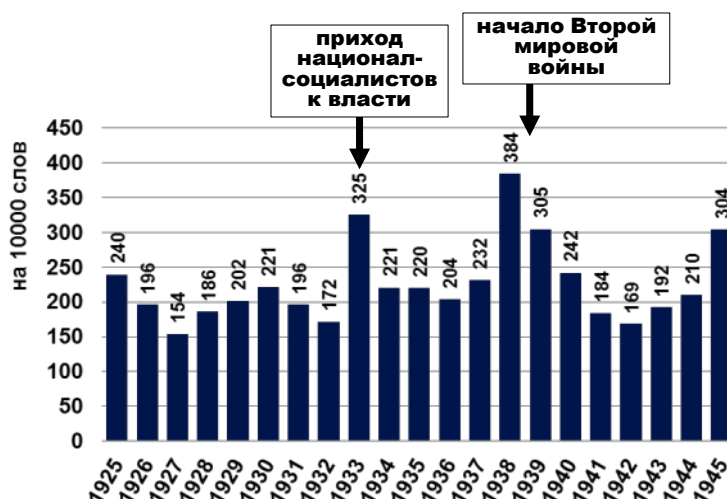

Рис. 4. Доли стран и регионов среди крупнейших медиа-компаний мира, в %.

Но если когнитивное содержание глобальных информационных потоков управляемо, то возникает вопрос: как с фактом этого управления соотносится рост ксенофобии в современном мире? Попытаемся в этом разобраться.

Информационная раскрутка темы зачастую не отражает существующие реалии, а сама создает проектируемые общественные феномены. Если постоянно говорить о прецедентах этнического конфликта, то конфликт может разгореться и в том случае, если он реально существовал в качестве единичных проявлений. Из искры посредством целевого информационного воздействия раздувается пожар. Показательны на этот счет данные частотного контент-анализа архивов одной из самых популярных американских газет «Нью-Йорк таймс». Использование слов «евреи, еврей, еврейский» создавало информационный фон политическому воплощению нацизма в Европе. Первый пик частотности использования соответствующих идентификаторов был достигнут в 1933 году, совпав с приходом Гитлера к власти. Второй – с началом мировой войны. В обоих случаях, когда политический результат был достигнут, частотность использования

указанных терминов снижалась. А то, что не последнюю роль в политическом подъеме Гитлера сыграл американский капитал, хорошо известно. (Рис. 5) [21].

Рис. 5. Частотность употребления терминов «евреи» и «еврейский» в текстах американской газеты «The New York Times» (в год).

Вернемся теперь в современный мир. Судя по данным частотного анализа, вновь происходит информационная раскрутка темы ксенофобии. Субъекты конфликта, правда, на этот раз другие. Наблюдается резкий рост использования терминов: «мусульмане», «ислам», «мигранты», «миграция» и «русские». Как и во времена Третьего Рейха, насаждается образ врага внутреннего – на этот раз иммигрантов мусульман - и внешнего, как и ранее, - России. Апогей частотности использования всех указанных идентификаторов приходится на 2014 год. (Рис. 6) [21].

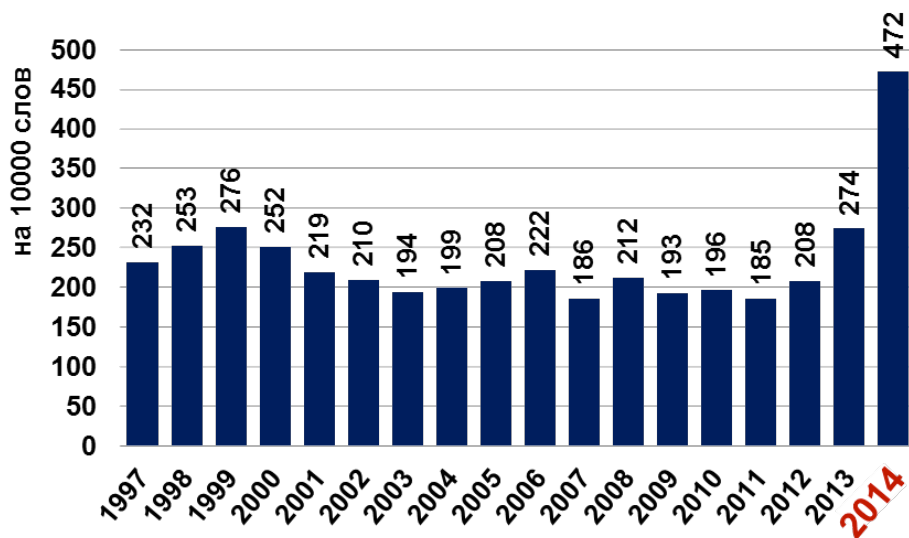
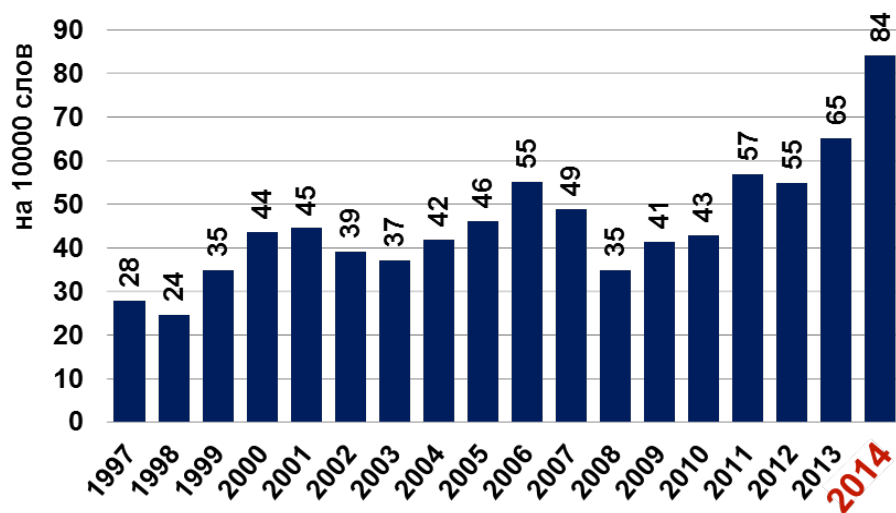
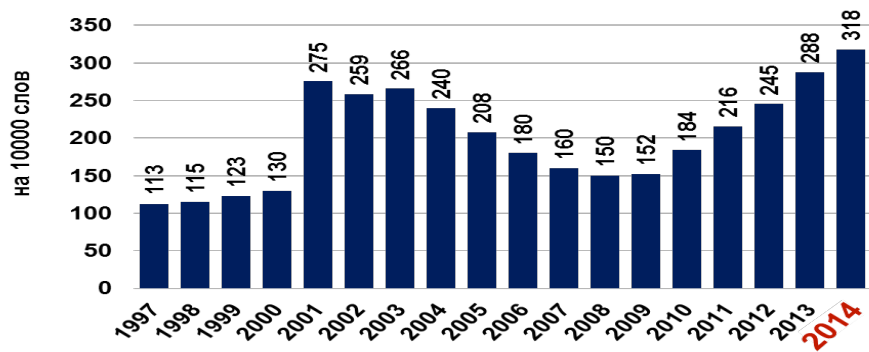
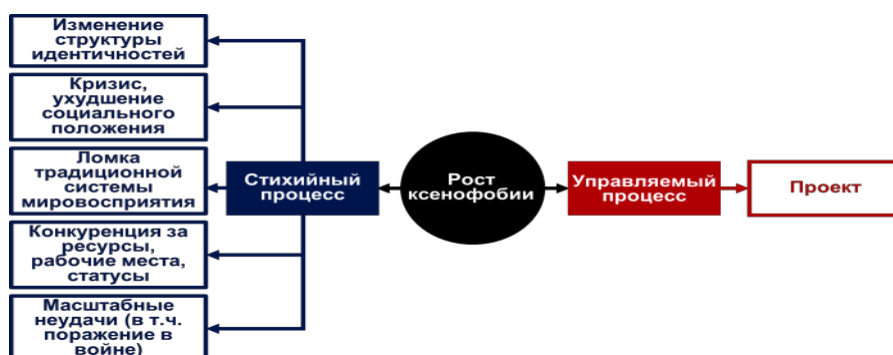

Рис. 6. Частотность употребления терминов в текстах американской газеты «The New York Times» (в год).

Существуют два подхода в объяснении генезиса феномена ксенофобии. Первый условно может быть определен как социально-психологический. Суть его связана с активизацией факторов, психологически обостряющих неприятие «чужака» в массовом сознании. Тонкая пленка культуры разрывается, и тогда народ озверевает. Именно так произошло в 1930-е годы с немецким народом. Среди обстоятельств, определяющих распространение ксенофобских настроений, указываются: 1) изменение структуры идентичностей; 2) кризис, ухудшение социального положения; 3) ломка традиционной системы мировосприятия; 4) конкуренция за ресурсы, рабочие места, статусы; 5) масштабные неудачи (в т.ч. поражение в войне). Перечисленные объясняющие обстоятельства укладываются в понимание феномена роста ксенофобии как стихийного процесса.

Но есть и другая объяснительная модель – рост ксенофобии как управляемый процесс. Первая и Вторая мировые войны наглядно продемонстрировали возможности пропаганды по формированию массовых ксенофобских настроений. С того времени пропагандистский инструментарий стал значительно более совершенным. Пропаганда уже не бьет в лоб, прямо указывая на врага, а делает это опосредованно, создавая соответствующее информационное контекстное поле. (Рис. 7).

Рис. 7. Объяснительные модели роста ксенофобии.

Говоря, что рост ксенофобии является управляемым процессом, надо ответить на вопрос – зачем это нужно? Должен быть, очевидно, какой-то результат, достигаемый посредством роста ксенофобских настроений. А каков может быть политический исход ксенофобии? Повышение градуса ненависти к «чужакам» рано или поздно достигает такого уровня, когда чужаков начинают убивать. Во внешней сфере исход роста ксенофобии – война, военная эскалация, разрыв отношений. Во внутренней сфере – погром, политика дискриминации. (Рис. 8).

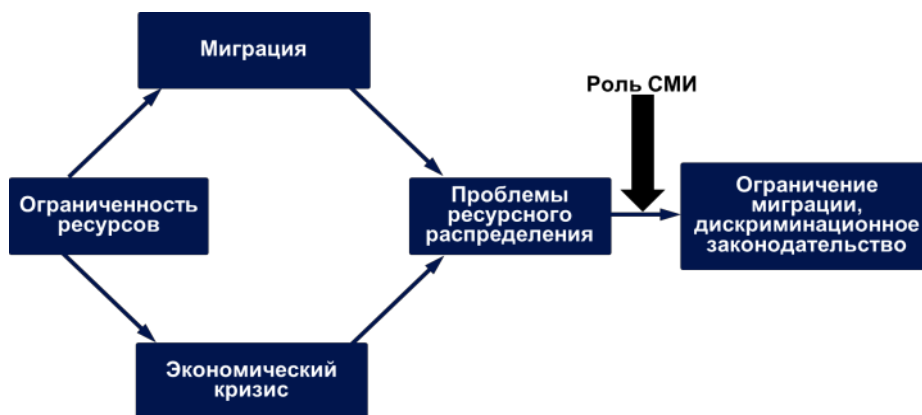
Рис. 8. Рост ксенофобии в проектной объяснительной модели.

Применительно к внешней сфере обнаруживается факт попадания Европы в полукольцо «враждебного окружения». На юге и юго-востоке – «враждебные мусульмане», на востоке – «враждебные русские». Европейские СМИ и европейские политики сами, казалось бы, загнали Европу в эту ситуацию. Видимо, выход остается только один, он и раскрывает реализуемый замысел – полная ориентированность на США. Искусственно созданная враждебность иноцивилизационного окружения определяет для Европы два принципиальных последствия: расширение американского военного присутствия и привязанность европейской экономики к экономике США. (Рис. 9).

Рис. 9. Цели роста ксенофобии в Европе применительно к внешней сфере.

Рост ксенофобии применительно к внутриевропейской ситуации фактически легитимизирует свертывание доктрины социального государства. С известных докладов Римского клуба стало очевидно, что ресурсов на всех не хватит. Рост иммиграции, обостренный экономическим кризисом, еще более акцентировал тему ресурсной ограниченности. Одним выходом из этой ситуации явилось бы ограничение индивидуального потребления стран «золотого миллиарда». Предпочтение было отдано второму сценарию - ограничению миграции и принятию дискриминационного в отношении аллохтонов законодательства. Для того чтобы сделать такой переход, разрывающий, по сути, с традициями либеральной демократии, требовалась массовая поддержка, которая и обеспечивалась коннотацией новых мер с ростом ксенофобии. (Рис. 10).

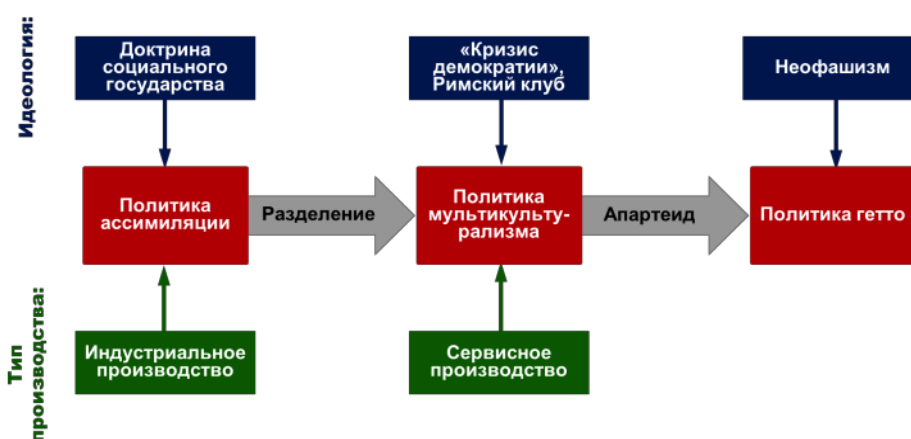

Рис. 10. Цели роста ксенофобии в Европе применительно к внутренней сфере.

Европейская политика в отношении мигрантов за последние 50 лет существенно изменилась. В шестидесятые – семидесятые годы XX века доминировал ассимиляционный подход. Иммигранта стремились максимально быстро по принципу «американского плавильного котла» интегрировать в структуру общества страны проживания. Это соотносилось с индустриальным типом производства, предполагающим совместный труд больших интернациональных производственных общностей.

Переход к новой политике был подготовлен когнитивно докладами Римского клуба [3; 5; 6; 9; 11; 13], а также появлением таких работ как «Кризис демократии» [16]. В соответствии с новой моделью предполагалось уже раздельное бытие в рамках собственных культурных ниш автохтонов и аллохтонов. Эта модель и была названа «мультикультурализмом» [1; 7; 14; 15; 17; 18]. Ей соответствовал сервисный тип производства, снимающий необходимость высокой концентрированности трудовых кадров, характерной для индустриального производства.

Но мультикультурализм, как выясняется сегодня, был только переходным этапом. Ведущие западные политики говорят о провале мультикультуралистского курса. Но чем модель мультикультурализма предполагается заменить? Речь отнюдь не идет о возвращении на позиции ассимиляционного подхода. Говорится о прямо противоположном – дальнейшем усилении разграничения автохтонов и аллохтонов при определении преференционного положения автохтонного населения. Исторически такая модель хорошо известна – это «модель гетто». Политика же, реализующая установление этой системы, определяется в традиционном политологическом словаре как политика апартеида. (Рис. 11).

Рис. 11. Эволюция европейской политики в отношении мигрантов.

Европа очевидно фашизируется. Манифестация либерального фашизма в этом отношении символична. Через принятие новых идентификаторов вырисовываются контуры ее проектируемого грядущего образа.

Этого ли действительно желает журналистское сообщество? Безусловно, для журналистской профессии принципиально важно право на свободу мнения. Но именно это профессиональное условие, поданное как гипертрофированный императив, и стало тем приводным ремнем, который позволяет использовать журналистику в качестве детонаторов конфликта.

В традиционном обществе хорошо понимали значение принципа меры. Доведите до абсолютизма любое ценностное положение, и оно превратится в свое отрицание. Это в том числе относится и к ценности свободы. Хорошо известно, что «свобода одного человека заканчивается там, где начинается свобода другого». Ценность свободы - ценность либеральная. Но если сама свобода превращается в навязываемое требование, то это уже не свобода, а тоталитарность. И тогда мы имеем дело уже не с либерализмом, а с совершенно иным идеологическим явлением. Использованное в свое время Гербертом Уэллсом, а сегодня Джоной Голдберг в ее нашумевшей книге понятие «либеральный фашизм», наверное, наиболее точно раскрывает эту идеологию [4].

Из ситуации нарастающих угроз роста ксенофобии выход, безусловно, есть. Он формулируется как «золотое правило нравственности» - «относись к людям так, как хочешь, чтобы относились к тебе», или - «не делайте другим того, чего не хотите себе» [8]. Аналоги этой формулы можно обнаружить фактически во всех традиционных религиях человечества. Межцивилизационный универсализм «золотого правила нравственности» указывает на выработанный веками реальный опыт выживания человечества.

Литература

1. Бенхабиб С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру. М.: Логос, 2003.
2. Воинствующее безбожие в СССР за 15 лет. М., 1932.
3. Глобальное управление для устойчивого развития. Новосибирск, 1996.
4. Голдберг Дж. Либеральный фашизм. М.: Рид Групп, 2012.
5. Кинг А., Шнайдер Б. Первая глобальная революция. М., 1991.
6. Медоуз Д. Пределы роста. М., 1988.
7. Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ. М., 2002.

8. От Талиона к Золотому Правилу. Специфика нравственного требования. 2. «Золотое правило» в истории этики. М.: МГУ, 1974.
9. Пестель Э. За пределами роста. М., 1988.
10. XV лет Союза воинствующих безбожников СССР. М., 1940.
11. Римский клуб. История создания, избранные доклады и выступления, официальные материалы. Под ред. Д.М. Гвишиани. М., УРСС, 1997.
12. Рушди С. Сатанинские стихи // <http://satanic-verses.narod.ru/>
13. Тинберген Я. Пересмотр международного порядка. М., 1980.
14. Глостанова М. Проблема мультикультурализма и литература США конца XX века. М., 2000.
15. Barry B. Culture and equality: An egalitarian critique of multiculturalism. Cambridge, Mass: Harvard University Press, 2001.
16. Crozier M., Huntington S., Watanuki J. The Crisis of Democracy: Report on the Governability of Democracies to the Trilateral Commission Paperback. New York: New York University Press, 1975.
17. Headley J. M. The problem with multiculturalism: The uniqueness and universality of Western civilization. New Brunswick: Transaction Publishers, 2012
18. Schlesinger A. M. The disuniting of America: Reflections on a multicultural society. New York: W.W. Norton, 1998.
19. <http://charliehebdo.fr/>
20. <http://lenta.ru/news/2006/08/14/cartoon/>
21. <http://query.nytimes.com/search/sitesearch/#/war/from18980101to18981231/>
22. <http://www.advertology.ru/article7006.htm>
23. http://www.communautarisme.net/Le-manifeste-des-douze,-publie-par-Charlie-Hebdo-Ensemble-contre-le-nouveau-totalitarisme-_a699.html (дата обращения: 10.02.2015)